

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Магомед Резванович Богатырев, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Информационное право и юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени академика М. Д. Миллионщикова», Грозный, Россия;
m.boghatyriov@mail.ru

Реализована попытка определить концептуальные основания теории правового регулирования в современных условиях. Автор обращается к проблеме обновления подходов к процессу упорядочения общественных отношений, поиску механизмов, способных даже в кризисных (чрезвычайных, экстраординарных) условиях обеспечить достижение целей правового регулирования – устойчивого развития личности, общества и государства. С одной стороны, в юридической науке отмечается тенденция избыточного публично-правового регулирования, приводящая к вмешательству в частные сферы общественных отношений; с другой стороны, отмечается необходимость в определенных чрезвычайных условиях ограничения прав человека, продиктованные публичными интересами, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Автор путем ревизии либертарного, антропологического, коммуникативного, позитивистского подходов к определению права и правового регулирования приходит к выводу о необходимости перехода от дискуссий относительно преимуществ использования каждого из них к формированию интегративной теории, основанной на позитивистском подходе, учитывающем роль новых правовых регуляторов (в частности, «мягкого» права), а также социальных оснований (ценностей, принципов и т.д.) в упорядочении общественных отношений.

Ключевые слова: правовое регулирование; теория правового регулирования; позитивизм; инструментализм; интегративный подход; экстраординарное правовое регулирование.

Введение

Модернизация общественных отношений как объекта правового регулирования настоятельно требует от юридической науки обновления подходов к самому процессу упорядочения общественных отношений, созданию необходимых механизмов, направленных на гармоничное удовлетворение частных и публичных интересов, достижение согласия и устойчивого развития личности, общества и государства. К сожалению, в последние десятилетия в регулирующем воздействии права наблюдаются кризисные явления, связанные с избыточностью публично-правового регулирования, вмешательством права в традиционно частные сферы общественных отношений и т.д., на которые обращает внимание ряд ученых [3].

Безусловно, сложившаяся в отечественной правовой науке концепция правового регулирования требует тщательной ревизии: с одной стороны,

не следует полностью отвергать сложившийся в советской юриспруденции позитивистский подход к определению правового регулирования, но, с другой стороны, необходим учет личностного (коммуникативного) аспекта, социокультурного, ценностного подходов. Вряд ли эффективным и результативным с точки зрения долгосрочного развития того или иного государства можно признать слепое копирование зарубежных политико-правовых институтов, механическую рецепцию правовых норм – готовые решения, подготовленные в отрыве от отечественной специфики.

Основная часть

Советская концепция правового регулирования, разработанная в 50 – 80-е гг. XX века, и в настоящее время составляющая базис, на котором строятся специальные отраслевые научные исследования, представляется нам стержнем современной теории правового регулирования. Безусловно, время не стоит на месте и нельзя избежать прогресса, в том числе и в подходах к правовому регулированию. Здесь уместно вспомнить точку зрения Г. В. Мальцева о том, что «причина привлекательности научно-технических парадигм (с которыми данный ученый связывал и механистическую теорию правового регулирования, разработанную С. С. Алексеевым – *прим. авт.*) связана с духом и стилем времени их возникновения» [9, с. 64]. Согласимся, наука конца XIX – первой половины XX века была ориентирована на точное знание, универсальные технические решения, что детерминировало и господство позитивистского типа правопонимания, создающего в юридической сфере строгие формы и научно-технические парадигмы.

Данный подход нашел отражение в категориально-понятийном аппарате советского юридического позитивизма – «аппарат» по отношению к системе построения государственной власти и «машина» (для подавления одного класса другим) – применительно к государству. В настоящее время юридическая наука под воздействием научно-технического прогресса планомерно обогащается терминами, первоначально достаточно далекими от правовой сферы, – механизм, инструмент, алгоритм, технология и т.д., без которых немислим современный юридический язык. Это общая тенденция, характерная для всех наук, ибо в настоящее время нарастает необходимость междисциплинарного подхода в исследовании объектов и, как следствие, выработки языка «междисциплинарного взаимодействия», на чем не будем останавливаться подробно, поскольку данная тема – предмет самостоятельного научного изучения.

Возвращаясь к необходимости переоценки сугубо позитивистского подхода к определению природы правового регулирования, заметим, что в юридической науке имеются достаточно систематизированные исследования в данном направлении.

Например, представители современной либертарно-правовой концепции правового регулирования анонсируют принципиально новый подход к определению сущности правового регулирования и его эффективности. Так, В. В. Лапаева связывает регулирующее воздействие права с его «вкладом в укрепление правовых начал государственной и общественной

жизни, развитие элементов свободы в общественных отношениях, реализацию прав и свобод человека и гражданина» [8, с. 33].

В свою очередь, Н. В. Варламова, основываясь на рационально-правовой теории легитимации власти М. Вебера, полагает, что право, как «форма реализации и защиты свободы в социальной жизни», выступает нормативным порядком высшего уровня: «правовое регулирование является легитимным, если оно рационально, то есть обеспечивает материальные гарантии максимальной меры свободы» [2, с. 220].

Соответственно, правовой либертариизм в основе природы правового регулирования и главного критерия его результативности (эффективности) предлагает выделять степень реализации прав и свобод человека и гражданина, гарантии свободы и т.д. Полагаем, что данный подход в целом не противоречит инструментализму в праве, однако требует смещения акцентов от чисто «механических» (средства, инструменты, режимы, механизмы) к общечеловеческим ценностям.

С критикой «позитивно-инструментального» (определим его так – *прим. авт.*) подхода выступают также представители современного антрополого-правового течения, наиболее известным представителем которого является И. Л. Честнов, полагающий, что в правовом регулировании необходимо учитывать «человеческий фактор», который выражается в правовой культуре и опосредует правовое воздействие на массовое поведение населения [12, с. 22]. С точки зрения данного подхода, под воздействием позитивистского метода человек долгие десятилетия воспринимался как объект правового регулирования, исключался из процесса принятия юридических решений, отстранялся от процесса социального регулирования, что привело к «отчуждению граждан от права, кризису легитимности власти, росту национализма и религиозного фундаментализма» [5, с. 81]. Данную критику сложившейся в нашей отечественной науке концепции правового регулирования можно признать справедливой, однако при этом необходимо уточнить тот факт, что она корреспондирует содержательным аспектам правового регулирования и подходам к его эффективности и в целом не разрушает до оснований восприятие права как системы регулирующего воздействия юридических инструментов на общественные отношения. Речь здесь скорее идет опять же о тех скрепах, ценностях, идеалах, принципах, которые должны лежать в основе правового регулирования.

В противовес инструментально-позитивистскому (в рамках парадигмы классической рациональности) некоторые ученые стремятся предложить коммуникативный подход, основанный на теориях К. О. Апеля [1] и Ю. Хабермаса [11]. Ю. Хабермас «возлагает на обычных граждан тройную ответственность: одобрения закона, развития закона и обеспечения его выполнения. Это демократия участия в ее наиболее полной разновидности» [6, с. 131]. С его точки зрения, право есть сочетание двух свойств – фактичности (связана с принудительной силой права) и значимости (легитимность права, признанная человеком, его моральная обоснованность, достигнутая в результате консенсуса между государством и человеком) [13]. Нельзя не согласиться и с данным подходом: правовые предписания объективно нуждаются в ценностном обосновании; право есть ре-

зультат социального консенсуса и данные аспекты широко представлены как в научных разработках о необходимости демократизации процесса правотворчества [10], так и на практике – в процедурах широкого общественного обсуждения законопроектов.

Заключение

Безусловно, формирование теории правового регулирования возможно только на позициях консенсуса имеющихся в юридической науке концепций правового регулирования и его эффективности; и в то время, когда ряд ученых ратует за отход от «узконормативного, позитивистского типа правопонимания» [5, с. 81], мы хотим лишь возразить им словами Р. Декарта: «В большинстве споров можно подметить одну ошибку: в то время как истина лежит между двумя защищаемыми воззрениями, каждое из последних отходит от нее тем дальше, чем с большим жаром спорит»¹. Безусловно, коммуникативная теория права апробирована временем, однако в большей степени адаптирована для зарубежной юридической науки и в рамках отечественной правовой традиции нуждается в серьезной трансформации, в том числе и с учетом все еще «господствующего» позитивистско-инструментального подхода.

Юридическим сообществом уже давно признается необходимость трансформации подходов к определению правового регулирования, и уже никто из авторов не стоит на крайне позитивистских позициях понимания права как «совокупности правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил поведения, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений, порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [4, с. 84]. Однозначно, современный позитивизм сохраняет приверженность государственному началу в установлении правил поведения, однако учитывает социальные основания (принципы), обусловленные социально-экономическими, политическими и духовными условиями жизни. Другими словами, роль современной теории правового регулирования мы видим в интеграции подходов к пониманию права и поиске паритета в определении источников правообразования. К сожалению (или к счастью), вопрос не может быть поставлен в рамках кардинального изменения роли государства в принудительном обеспечении реализации правовых предписаний, поскольку общество, в котором право будет обеспечиваться исключительно добровольными мотивами, основанными на легитимном, добровольном признании его ценности, в современных условиях представляется утопией. Особенно это касается правового регулирования в экстраординарных (чрезвычайных) условиях, когда на фоне конституционного признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности даже демократические государства вынуждены ограничивать эти права и свободы на ос-

¹ Цитаты и афоризмы. Рене Декарт. URL: <https://quote-citation.com/aphorism/12708> (дата обращения: 08.12.2024).

новании закона для обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета.

Полагаем, что современная теория правового регулирования должна освободиться от «полярных» подходов и от дискуссий и обоснования преимуществ каждой из них перейти к формированию некоего интегративного и одновременно жизнеспособного подхода, адаптированного к современным меняющимся (иногда чрезвычайным) условиям. Право, установленное и санкционированное государством, должно учитывать роль новых регуляторов (в частности, «мягкого» права [13, с. 116]), детерминироваться социальными основаниями и ценностями и создаваться путем широкого привлечения общественности к правообразованию, однако на настоящий момент это единственный результативный официальный регулятор общественных отношений, способный обеспечить устойчивое развитие личности, общества и государства и их безопасность.

Список литературы

1. **Апель К. О.** Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 338 с.
2. **Варламова Н. В.** Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1(82). С. 212 – 232.
3. **Власенко Н. А.** Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8(200). С. 43 – 54.
4. **Вышинский А. Я.** Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 420 с.
5. **Денисенко В. В.** Теория правового регулирования в отечественной науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014. № 4(26). С. 70 – 85.
6. **Загоруйко К. Ф.** Уильямс Г. Демократия и право в теории факта и ценности Хабермаса // Правовая мысль XX века: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2002. С. 131 – 138.
7. **Кожокарь И. П.** Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. 2020. № 12. С. 112 – 127.
8. **Эффективность закона.** Методология и конкретные исследования / Ю. А. Тихомиров, В. М. Сырых, В. В. Лапаева [и др.]; отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров. М.: Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 1997. 212 с.
9. **Мальцев Г. В.** Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 799 с.
10. **Трофимов В. В., Самородов В. Ю.** Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3(77). С. 43 – 53.
11. **Хабермас Ю.** Моральное осознание и коммуникативное действие = Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln: пер. с нем. / под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 377 с.
12. **Честнов И. Л.** Антропология правового регулирования // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: тезисы Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 24 декабря 2003 г.). СПб., 2003. С. 17 – 22.
13. **Habermas J.** Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. 674 p. URL: <https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/jc3bcrngen-habermas-between-facts-and-norms.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. **Apel' K.O.** *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy], Moscow: Logos, 2001, 338 p. (In Russ.)
2. **Varlamova N.V.** [Efficiency of Legal Regulation: Rethinking the Concept], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2009, no. 1(82), pp. 212-232. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Vlasenko N.A.** [Crisis of Law: Problems and Approaches to Solution], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 8(200), pp. 43-54. (In Russ., abstract in Eng.)
4. **Vyshinskiy A.Ya.** *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Issues of the Theory of State and Law], Moscow: Gos. izdatel'stvo yurid. lit., 1949, 420 p. (In Russ.)
5. **Denisenko V.V.** [Theory of Legal Regulation in Domestic Science: Search for a New Methodology], *Voprosy pravovedeniya* [Issues of Jurisprudence], 2014, no. 4(26), pp. 70-85. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Zagoruyko K.F.; Pivovarov Yu.S. (Ed.)** [Williams G. Democracy and Law in Habermas's Theory of Fact and Value], *Pravovaya mysl' KHKH veka: sb. obzorov i referatov* [Legal Thought of the 20th Century: Collection of Reviews and Abstracts], Moscow, 2002, pp. 131-138. (In Russ.)
7. **Kozhokar' I.P.** [Legal Regulation: Concept and Forms], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 12, pp. 112-127. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **Tikhomirov Yu.A., Strykh V.M., Lapayeva V.V. et al.; Strykh V.M., Tikhomirov Yu.A. (Eds.)**. *Effektivnost' zakona. Metodologiya i konkretnyye issledovaniya* [Effectiveness of the Law. Methodology and Specific Research], Moscow: Institut zakonodat. i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 1997, 212 p. (In Russ.)
9. **Mal'tsev G.V.** *Sotsial'nyye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law], Moscow: Norma: Infra-M, 2011, 799 p. (In Russ.)
10. **Trofimov V.V., Samorodov V.Yu.** [Legal Co-creation of Power and Society as a Manifestation of the Culture of the Law-Making Process in a Modern State], *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Legal State: Theory and Practice], 2024, no. 3(77), pp. 43-53. (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Khabermas Yu.** *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*, St. Petersburg: Nauka, 2000, 377 p. (In Ger.)
12. **Chestnov I.L.** *Aktual'nyye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: tezis Mezhdunar.nauch.-teor. konf.* [Actual Problems of the Theory and History of the State and Law: Theses of the Int. Scientific-Theoretical Conf.], (Sankt-Peterburg, 24 December 2003), St. Petersburg, 2003, pp. 17-22. (In Russ.)
13. **Habermas J.** *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. 674 r. available at: <https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/jc3bcrngen-habermas-between-facts-and-norms.pdf> (accessed 20 January 2025).

Conceptual Foundations of the Theory of Legal Regulation in Modern Conditions

M. R. Boghatyriov, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Information Law and Jurisprudence,
Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia;
m.boghatyriov@mail.ru

An attempt has been made to determine the conceptual foundations of the theory of legal regulation in modern conditions. The author addresses the problem of updating approaches to the process of streamlining public

relations, searching for mechanisms capable of ensuring the achievement of the goals of legal regulation – sustainable development of the individual, society and the state – even in crisis (emergency, extraordinary conditions). On the one hand, legal science notes a tendency towards excessive public-law regulation, leading to interference in private spheres of public relations; on the other hand, the need for certain emergency conditions to restrict human rights dictated by public interests, ensuring the country's defense and state security. The author, by revising the libertarian, anthropological, communicative, positivist approaches to defining law and legal regulation, comes to the conclusion about the need to move from discussions regarding the advantages of using each of them to the formation of an integrative theory based on the positivist approach, but taking into account the role of new legal regulators (in particular, "soft" law), as well as social foundations (values, principles, etc.) in regulating social relations.

Keywords: legal regulation; theory of legal regulation; positivism; instrumentalism; integrative approach; extraordinary legal regulation.

© М. Р. Богатырев, 2025

Статья поступила в редакцию 11.11.2024

При цитировании использовать:

Богатырев М. Р. Концептуальные основания теории правового регулирования в современных условиях // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 15– 21. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.015-021